

НАУКА, ТЕХНИКА, ОБЩЕСТВО

«Возможна ли истина в гуманитарных науках?»

Материалы «круглого стола»

Часть 1

Участники:

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; и.о. заведующего кафедры философии. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Российская Федерация, 603000, г. Нижний Новгород, Университетский пер., д. 7, e-mail: itkasavin@gmail.com

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

Пирожкова Софья Владиславовна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: pirozhkovasophia@mail.ru

Родин Андрей Вячеславович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: andrei@philomatica.org

Смирнова Наталья Михайловна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

Филатов Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: toptiptop@list.ru

В круглом столе, проведенном журналом «Философия науки и техники» в марте 2017 г. в Институте философии РАН, приняли участие ряд ведущих отечественных специалистов в области эпистемологии и философии науки: В.А. Лекторский, И.Т. Касавин, А.Л. Никифоров, Н.С. Автономова, Н.М. Смирнова, В.П. Филатов, Г.Д. Левин, Е.Л. Черткова, А.В. Родин, С.В. Пирожкова, Е.О. Труфанова. К обсуждению были предложены следующие вопросы: существует ли принципиальная разница между естественнонаучным и гуманитарным знанием, между гуманитарными и социальными науками, между гуманитарными науками и науками о человеке; являются ли гуманитарные исследования знанием о реальности или ее конструированием; возможны ли эксперименты в гуманитарных исследованиях и гуманитарные технологии; как взаимодействуют гуманитарные знания и социально-культурные мифологии

и можно ли их разделить? В первой части дискуссии рассматриваются вопросы о структуре знания в гуманитарных и социальных науках, в частности о присутствии в нем таких элементов, как культурные, социальные, политические ценности, с одной стороны, и методологические нормы и идеалы – с другой, а также элементов утопии, мифа, идеологии; о содержании методологических регулятивов гуманитарного познания и специфике последнего в сравнении с естественнонаучным; об особенностях и ограничениях экспериментирования в социальных науках на примере экономики; об исследовании проблемы истины методами философской логики и возможности использования результатов этих изысканий в рамках систематического исследования данной проблемы. Не отрицая возможности достижения истины, т. е. получения знания не только в социальных, но и в гуманитарных дисциплинах, участники обращают внимание на те, на первый взгляд, неоднозначные или даже противоречащие идеалу научности моменты, характерные для гуманитарных дисциплин, тщательное исследование которых позволяет сократить разрыв между гуманитарным и естественнонаучным типами знания.

Ключевые слова: истина, гуманитарные науки, объективность, знание, реальность, реализм, конструктивизм

В.А. Лекторский. Круглый стол посвящен вопросу, который в наши дни привлекает особое внимание всех тех, кто думает о судьбе науки и судьбе человека (сегодня ясно, что второе неотделимо от первого). Когда-то казалось, что достаточно распространить общепринятые правила научной методологии на познание человека и общества и мы получим такое знание, которое позволит рационализировать человеческую жизнь, сделать ее «прозрачной», предсказуемой и тем самым гуманизировать все человеческие отношения. Эта мечта вдохновляла позитивизм на всем протяжении его развития (на «первом» и «втором» его этапах и в виде логического позитивизма), а также К. Маркса, пытавшегося создать научную теорию исторического процесса.

Однако в начале XX в. были высказаны соображения, что познание человека и связанных с ним творений, таких как культура и общество, имеет особенности, принципиально отличающие его от того, что имеет место в естественнонаучной сфере. Ряд философов выделили следующие важные особенности гуманитарных дисциплин: познание индивидуального, а не общего (в той мере, в какой при исследовании человека выявляется общее, знание перестает быть гуманитарным, как это имеет место, например, в социологии); познание «от первого лица» (интроспекция в психологии) или же «от второго лица» (метод понимания в науках о культуре); соединение познания с ценностной интерпретацией (историческое знание). Хочу заметить, что философы, подчеркивавшие принципиальное различие наук о природе и наук о человеке и культуре с точки зрения исследовательских методов (Г. Риккерт, В. Виндельбанд, В. Дильтей и другие), не считали, что науки о человеке невозможны. Просто, по их мнению, это были науки другого рода: о духе, о культуре, об истории – гуманитарные науки. И, конечно, знание, а значит, и истина (знание не может не быть истинным – иначе это не знание) в таких науках возможны: знание об исторических эпизодах, о состояниях собственного сознания (полученное путем интроспекции), о переживаниях и намерениях другого человека (приобретенное с помощью «вчувствования» в чужое сознание).

Сегодня ситуация изменилась. Ряд философов и теоретиков в разных сферах исследования человека (в том числе в нашей стране) утверждают, что гуманитарные науки на самом деле просто невозможны. Поэтому, согласно данной позиции, существующие гуманитарные исследования в действительности не продуцируют знание, не получают истины о том, что имеет место на самом деле. В обоснование этого тезиса приводятся следующие доводы. Во-первых, продукт деятельности исследователей человека обычно ценностно и идеологически нагружен, а поскольку ценности разных групп исследователей различны, невозможно получить общепринятое, объективное знание. Так, историки обычно выделяют разные факты, исходя из своих идеологических пристрастий, по-разному их объясняют и оценивают. Прийти к единому мнению относительно того, что в действительности происходило в прошлом, считают сторонники этого взгляда на гуманитарную науку, невозможно.

Во-вторых, в случае экспериментов с человеком, которые проводят, например, психологи, испытуемый невольно (часто бессознательно) подстраивается к установкам экспериментатора и в итоге демонстрирует такие свои особенности, которые не существуют вне эксперимента. В случае изучения общественного мнения сами вопросы социолога создают у опрашиваемого состояние, которого не существовало до опроса.

В-третьих, на основе подлинного знания можно делать предсказания о будущем, как это имеет место в естественных науках (существует распространенное мнение, что если с помощью сформулированного в науке утверждения нельзя сделать предсказания, то на основе такого утверждения также ничего нельзя и объяснить, следовательно, это не научное утверждение и к науке оно не относится). Что же касается гуманитарных наук, то обычно они как раз не дают предсказаний, хотя претендуют на объяснение (кто-то сказал, что единственное, чему учит история, это то, что она ничему не учит, потому что ничего не может предсказать).

На основании подобных озвученным мной аргументов делается вывод, что при исследовании смысловой и ценностной сферы человека и его действий ученый в действительности не изучает нечто реально существующее, а конструирует сам предмет, о котором говорит. Роль такого рода исследований, с этой точки зрения, заключается не в том, что они дают некое знание, добывают какие-то истины, а совсем в другом: в обосновании некоторой идеологии, в создании исторических мифов, важных для культурной и национальной идентификации; в психологии и социологии – в конструировании определенного типа личностей. Гуманитарий, согласно этому взгляду, в действительности – вовсе не исследователь, добывающий истинное знание, а скорее практик, сознательно или бессознательно конструирующий некую реальность по явному или неявному социальному заказу. Такова позиция социального конструкционизма, популярного сегодня у некоторых философов и ряда представителей гуманитарных и социальных наук (К. Герген и другие). Социальные конструкционисты признают, что науки о человеке возможны. Но это лишь те науки, которые имеют дело с биологией человека (генетика человека) и с переработкой информации человеческим мозгом (когнитивные науки, нейронаука). Что же касается знаково-символической, смысловой сферы («идеальное» по Э.В. Ильенкову, «третий мир» по К. Попперу), в которой

живет человек и без которой он невозможен, то науки об этом в принципе не существует (я недавно слышал от одного отечественного психолога, что имеет смысл только когнитивная нейронаука, а все остальное в психологии – это беллетристика). Поэтому если до недавних пор не проводилось различия между гуманитарными науками и науками о человеке, то сегодня ряд теоретиков считает, что науки о человеке при определенном понимании человека – с исключением его ценностно-смысловой сферы – возможны (human sciences), а вот науки гуманитарные (humanities) – нет.

На самом деле, все эти аргументы могут быть опровергнуты. Не составляет особого труда показать, что знание (а значит, истина) имеет место и в гуманитарных исследованиях; общие принципы научной методологии распространяются и на науки о природе, и на науки о человеке; гуманитарные дисциплины вполне могут быть научными, хотя изучаемые ими феномены и обладают важными особенностями; в настоящее время происходит сближение методов исследования в обоих типах наук, и то, что до недавних пор казалось присутствующим только наукам о человеке (например, изучение индивидуальных объектов, сложное отношение объяснения и предсказания и т. д.), сегодня обнаруживается в исследовании природных сложно-организованных и развивающихся систем. Я детально исследовал эту проблему в двух моих статьях: «Возможна ли интеграция наук о природе и наук о человеке?» («Вопросы философии», 2003, № 3), перепечатанной в моей книге «Философия, познание, культура» (М., 2012), и в статье «Возможны ли науки о человеке?» («Вопросы философии», 2016, № 5), и поэтому не буду сейчас на этом специально останавливаться. Для меня было важно сформулировать проблемы для обсуждения. Что же касается моей позиции, я буду говорить о ней по ходу нашей дискуссии, дополняя то, что уже написано и опубликовано, а также скажу о ней в заключении настоящей дискуссии.

Итак, нами были сформулированы следующие вопросы для обсуждения.

1. Существует ли принципиальная разница между, во-первых, естественнонаучным и гуманитарным знанием, во-вторых, гуманитарными и социальными науками и, в-третьих, гуманитарными науками и науками о человеке?

2. Являются ли гуманитарные исследования знанием о реальности или же ее конструированием?

3. Возможны ли эксперименты в гуманитарных исследованиях и гуманитарные технологии?

4. Как взаимодействуют гуманитарные знания и социально-культурные мифологии? Можно ли разделить их?

И.Т. Касавин. Владислав Александрович очень хорошо ввел нас в тему круглого стола. Можно было бы, конечно, пойти еще и глубже, к середине XIX в., когда, с одной стороны, наука становилась профессиональной и, с другой стороны, возникали социально-гуманитарные науки, а потому вставала проблема их научности по сравнению с естественными науками. И эволюция, которую можно проследить от первого позитивизма до неокантианства, как раз была эволюцией от идеи редукции социально-гуманитарных наук к естественным или математическим к осознанию их самостоятельности и автономности. И все же эта дилемма так и не была окончательно решена. Я приведу только два примера того, что она осталась по-прежнему острой. Л.С. Выготский в

1920-е гг. пишет о расколе психологии на два течения: на сциентистскую и гуманистическую психологию. Р. Харре в 1980-е гг. писал примерно то же самое, тоже о расколе психологии на два лагеря: с одной стороны, ориентированный на нейронауку, с другой – ориентированный на социальный конструкционизм, на дискурс-анализ. И потому проблема, которую мы сегодня обсуждаем, связана с более широкой проблемой противостояния идеи единства науки идее разных типов рациональности, которые сосуществуют, сменяют друг друга и т. д. Одни типы представлены естественнонаучным знанием, другие – социально-гуманитарным. Или же сциентистский и гуманитарный типы могут быть в равной мере представлены и в социальных науках.

А теперь я приведу один пример, показавшийся мне очень забавным. Он касается тоже психологии вполне сциентистского типа, в которой обнаруживаются неожиданные и даже альтернативные элементы. Речь идет об очень интересном интервью, которое дал журналистке О. Акмаевой известный психолог и нейрофизиолог Ю.И. Александров на конференции по когнитивистике в Светлогорске. Меня поразило, что в интервью человека, который известен своими научными достижениями в нейрофизиологии, центральное место занимает вопрос о природе русского ума. Русский ум – такая специфическая материя, он отличается любопытством, творчеством, но очень он несистематичный, непрактичный. Александров говорит, что в этом смысле он не согласен с Д.С. Лихачевым, хотя весьма его любит. Лихачев считал, что нет этой проблемы. Ничего подобного! Позиция Лихачева неправильная, утверждает Александров. Давайте сейчас проведем эксперимент, предлагает он журналистке: представьте себе корову, а потом траву и еще цыпленка. Это три предмета. С чем у Вас ассоциируется корова? Ну, естественно, говорит журналистка, с травой. А почему? Потому что она ее ест. О! Вот здесь Вы и попались, заявляет Александров. Потому что Вы – русская женщина. Если бы я задал этот вопрос американским студентам, они бы сказали: ничего подобного. Конечно, с цыпленком. Они – домашние животные. И тут начинается. Читайте внимательно, что называется, интервью. Если я задам этот вопрос, утверждает Александров, в американском университете, то подавляющее большинство ответит: цыпленок. Знаете, что это такое? Это разные взгляды на мир. Как русские классифицируют объекты? Ассоциативно. А американцы классифицируют иначе – по логическому основанию.

Давайте теперь присмотримся к «эксперименту» Александрова. Проводя эксперимент, психолог предлагает одному испытуемому говорить об ассоциациях, а другому – о классификациях. Он не различает эти вещи? Всем понятно, что когда о корове речь, ассоциация с травой. Но когда тебе говорят, классифицируй объекты, то человек думает: на каком основании? Основание здесь – «домашние животные». Если одинаково ставить вопрос, то и в российской, и в американской аудитории получишь одинаковые ответы. Итак, вот вам ученый, психолог, человек сциентистского склада. Но он апеллирует к таким вненаучным понятиям, как «русский ум», и одновременно не различает классификацию и ассоциацию. Если этот полушуточный эксперимент строго концептуализировать, то, с одной стороны, обнаруживается фантастическая картина мира с идеологическими наслоениями, которая предлагается для психологии, а с другой стороны – некорректно поставленный эксперимент.

Еще один пример, уже из сегодняшнего дня. Президент Российской Федерации наградила орденом Святой Мученицы Екатерины Наину Ельцину. Меня это заинтересовало, потому что, во-первых, святая мученица – это, вообще-то, христианская святая. И я подумал, а что это за орден? Не иначе как это орден РПЦ? А почему-то присуждает его Президент РФ. И тут выяснилось, что это орден не РПЦ, это государственная награда, очень высокий орден, на одну ступеньку ниже, чем орден «За заслуги перед Отечеством». Оказывается, в Российской Империи было два главных ордена: Святого Апостола Андрея Первозванного, который сразу же присваивали всем великим князьям по рождению, и Мученицы Екатерины, который присваивался при рождении всем княгиням. Оттуда ведут свое начало розовый и голубой бантики, которыми сегодня повязывают новорожденных. Итак, в наше время орден Апостола Андрея Первозванного – это высшая государственная награда России. И орден святой Екатерины – это тоже награда нашего светского государства. И в учреждении этих орденов наш Конституционный суд, большие ученые-юристы, не нашли ничего необычного, освятили эти акты своим авторитетом. Это, как мне кажется, неплохая иллюстрация на тему научности и ненаучности, ангажированности и объективности различных гуманитарных наук.

У меня также есть небольшие замечания к вопросам нашего круглого стола, которые, на мой взгляд, тоже имеют отношение к общей теме. Вот смотрите, как формулируется первый вопрос: «Существует ли принципиальная разница между естественнонаучным и гуманитарным знанием?». Будем считать, что речь идет о науках. Так вот когда мы задаем вопрос о принципиальной разнице, мы тем самым проектируем ответ, здесь скрыто предвосхищение основания. Почему бы не говорить просто о разнице? Иначе сразу возникают какие-то принципы, которые якобы у нас уже есть, понимаете? А стало быть, мы эти принципы проектируем на этот ответ. Это заранее предполагает, что мы начинаем искать некую принципиальную разницу и тогда немедленно найдем ее.

В.А. Лекторский. И не находим.

И.Т. Касавин. Ну вообще-то скорее найдем. И поскольку оба моих примера касались вопроса, как взаимодействуют гуманитарные знания с социальной мифологией, я буквально два слова скажу на эту тему. Мне кажется, что можно, используя известную концепцию В.С. Стёпина, попытаться разграничить несколько уровней в рамках социально-гуманитарных наук, в рамках социально-гуманитарного научного знания и посмотреть, как на каждом уровне функционируют элементы вненаучного знания, то, что в вопросе названо «социальными мифологиями». В социальной картине мира, как мне кажется, всегда присутствует утопический элемент. Иное дело, что подобные составляющие, в лучшем случае, могут функционировать в качестве неких регулятивных идей. Я приведу несколько примеров. «Хорошее общество» – такое понятие фигурирует в социальной философии. «Национальная идея» – понятие, которое дискутировалась самыми разными отечественными учеными. Очень активно в свое время обсуждалось понятие «всесторонне развитый человек». Все названные идеи, конечно, совершенно утопические, но они выполняют определенную функцию в картине мира. Они позволяют как-то интерпретировать то, что находится на уровне теории. А что находится на уровне теории? Понятия, которые полностью лишены вненаучных элементов? Наверное, тоже нет. Ска-

жем, абстракция «экономический человек». Можно сколько угодно говорить, что это – научная абстракция, но она содержит некоторый идеологический подтекст. Это не просто абстракция, полученная с помощью чисто логических операций. Почему она была выбрана в качестве абстракции? Потому что довлел, скажем, экономический детерминизм, который полностью научным назвать нельзя. То же касается и многих других понятий, фигурирующих в качестве теоретических конструкторов. Я бы сказал, что на уровне теории вне-научные элементы становятся предметом последовательной демаркации, т. е. их пытаются вывести за пределы научного знания, если наука вообще на это претендует. Пусть даже демаркация не всегда удается. В прикладных областях, ориентированных на внедрение в обществе, фрагменты внеаучного знания, напротив, активно используются инструментальным образом: как риторические фикции, пропагандистские аргументы, элементы политических технологий. Понятия, которые фигурируют в данном контексте, тоже нам хорошо известны. Это такие понятия, как «харизма», «патриотизм», «духовные скрепы», «соборность» и др. Они явно ненаучные, и нельзя сказать, что их избирают для того, чтобы построить какую-то теоретическую конструкцию. Их интегрируют в научное знание лишь для того, чтобы воздействовать на сознание людей, определять их деятельность. Поэтому я бы сказал, что условием различения научного знания в сфере «наука о человеке и обществе» является более глубокое понимание их особенных когнитивных и социальных функций. Когда мы понимаем их конкретное место в этой науке и на этом уровне научного знания, тогда у нас есть возможность то ли отодвинуть их, то ли использовать, принять некоторые ограничения и т. д. А полностью освободиться – по-моему, это совершенно невозможно.

В.А. Лекторский. С Вашей точки зрения, утопия, миф, идеал, ценности, идеология – это примерно одно и то же, и при том все это выходит за рамки науки, является внеаучным. Ни с первым, ни со вторым я не соглашусь. Дело в том, что наука – это не просто теории, утверждения о законах и результаты экспериментов. Как мы сегодня хорошо знаем, все это возможно (а значит, возможно и получение истинного знания) только потому, что встроено в некие более широкие когнитивные образования: парадигмы, исследовательские программы, картины мира. В картинах мира, парадигмах, исследовательских программах схватывается что-то из реально существующего, т. е. они опираются не на некоторое знание, но считать их полностью знанием невозможно. Это именно программы исследовательской деятельности, проекты. А проекты деятельности (как теоретической, так и практической) не могут оцениваться в терминах истинности или ложности. Они могут быть успешными или неуспешными, более или менее успешными. В каждой парадигме, исследовательской программе содержится не только определенная онтология, картина мира, но и набор предписаний, норм, способов оценивания теорий и отдельных научных утверждений. Иными словами, содержится целая группа ценностных утверждений – хотя нередко и в неявной форме – под видом компонентов картины мира. Например, если принимаемая научным сообществом картина мира изображает все события в качестве подчиненных действию жесткого лапласовского детерминизма, то это заставляет исследователя в каждом конкретном случае искать непосредственные причины того или иного отдельного события. Если

эти причины не находятся, то утверждение о том или ином событии не будет считаться научным. На основе подобного рода ценностей формулируется идеал – такое состояние научного знания, когда оно полностью соответствует той или иной картине мира (представление о полностью реализованном идеале и есть утопия). Таков, например, идеал полностью механистического объяснения всех явлений, популярный в науке XVIII и XIX вв., или же идеал операционалистской физики в XX в. – их можно рассматривать как своеобразные научные утопии. Научные картины мира, идеалы научности, исследовательские программы преходящи. Но именно в их рамках формулируются и развиваются научные теории и добывается истинное знание о реальной действительности.

Как сказанное относится к гуманитарному познанию? Дело в том, что в гуманитарных науках исследователь имеет дело с двумя типами ценностей. Первый – это научные ценности, относящиеся к оценке полученных результатов. В гуманитарных науках, как и в науках естественных, есть свои способы такой оценки. Если бы это было не так, если бы исследователь-гуманитарий конструировал изучаемую им реальность, как ему заблагорассудится (именно так изображают деятельность гуманитариев социальные конструкционисты), то не имели бы смысла споры среди историков или социологов, ибо все были бы по-своему правы, т. е. каждый имел бы дело со своей реальностью. Но в действительности споры, и при том очень острые, постоянно идут. Ибо в каждой гуманитарной дисциплине существуют некие общепринимаемые стандарты научности. Второй тип ценностей – культурные, социальные и политические ценности, разделяемые тем или иным гуманитарием. Без принятия этих ценностей человек невозможен. Конечно, они есть у любого исследователя и в любой науке. Но в случае естествоиспытателя разделяемые им социальные и гуманитарные ценности не имеют отношения к предмету изучения. А в гуманитарных науках дело обстоит не так. Разделяемые гуманитарием ценности могут повлиять не только на его оценку тех или иных явлений, но и на то, какие события он сочтет более важными, чем другие, т. е. что именно он выберет как заслуживающее изучения, а историческое и социологическое исследование не может обойтись без такого выбора. Но само изучение тех или иных выбранных явлений и объяснение их причин в любом случае должно быть непредвзятым и соответствующим принимаемым в данной дисциплине нормам. Это можно сравнить со взглядом из окна на улицу. Через одно окно видно одно, через другое – другое. Но и та, и другая часть пространства вне окна реально существуют, и эти части связаны друг с другом – из одного участка окружающего мира можно попасть в другой. Историки могут спорить (и спорят) друг с другом по поводу того, правильно ли выбрана та или иная позиция для выделения существенных событий. Этот спор может быть выигран в том случае, если исследователь покажет, что с точки зрения выбранной им позиции можно понять и объяснить не только те события, которые он выбрал, но также и те, которые выбрал другой исследователь. Поэтому можно разделять ту или иную социальную и политическую систему ценностей и вместе с тем быть непредвзятым историком, социологом, психологом. Так, например, считал классик социологии М. Вебер. Но ведь идеология и есть не что иное, как система социальных и политических ценностей, а также проект их реализации (поэтому она не может оцениваться с точки зрения истинности или ложности – поэтому я не разде-

ляю мнение, что идеология есть ложное сознание). Значит, приверженность той или иной идеологии необязательно означает невозможность объективного исследования в определенной гуманитарной дисциплине.

А можно ли вообще обсуждать вопрос о преимуществах и недостатках той или иной системы ценности, той или иной идеологии? Не только можно, но и должно. И такое обсуждение происходит в современном мире, и при этом в острых формах. Речь идет и о ценностях разных культур (иногда это принимает форму диалога культур, а иногда форму культурной конфронтации, доходящей до крайностей терроризма), и об идеологических ценностях (либерализм, социализм, консерватизм). Спор культурных и социально-политических ценностей и есть то, что определяет все остальное в современном мире, включая геополитические и экономические проблемы. Каждая культура имеет такую систему ценностей, которая отличает ее от других (иногда эту ценностную систему, может быть, не слишком удачно, называют «духовными скрепами»). Кто может победить в этом споре? Те ценности, которые окажутся способными породить успешный социальный проект – такой, который окажется наиболее адекватным современному быстро меняющемуся миру, т. е. современной реальности.

Разработка идеологий (проектов социального действия) – это рациональное занятие специалистов, которые должны учитывать реалии современных социальных и политических процессов и результаты социальных и гуманитарных наук, а также опираться на определенные философские идеи. Нельзя смешивать идеологию и пропаганду. Последняя – это способ мобилизации масс на ту или иную деятельность. Пропаганда всегда исходит из той или иной идеологии, но главное в ней не рациональное обоснование некоей идеологической позиции, а эмоциональное заражение определенными настроениями, суггестия. В современном мире без пропаганды нельзя обойтись так же, как без идеологии. Но идеолог и пропагандист, как я сказал, – разные профессии. При этом не только идеология, но и пропаганда для того, чтобы быть успешной, должна считаться с реальностями социальной жизни. Но она в действительности в иных случаях пользуется и мифами. Однако это плохо. Потому что миф – это то, чего на самом деле не было. Нельзя мобилизовывать людей на действия посредством обмана. Это безнравственно. И если даже пропагандисту лучше не использовать мифы, то идеолог не может пользоваться мифами – при условии, что он серьезно относится к тому, чем занимается. Тем более не может заниматься фабрикацией мифов ученый-гуманитарий – историк или социолог. Если гуманитарная наука производит мифы, она перестает быть наукой. А философия всегда была врагом мифологии. Идея социальных конструкционистов о том, что не существует различия между гуманитарным исследованием и мифотворчеством, должна быть категорически отвергнута.

И.Т. Касавин. Вненаучное знание является неоднородным, это безусловно. Есть разные вещи. Некоторые заимствованы из истории, другие изобретены прямо сейчас. На мой взгляд, ценности, идеалы, нормы и т. д., т. е. то, что не сводится к теоретическим абстракциям и экспериментальным ситуациям, является, скорее, плодом реконструкции постфактум, чем тем, что курсирует реально в научном знании. К ним апеллируют для того, чтобы объяснить, почему ученые принимают какие-то решения в ситуации неопределенности.

Есть, например, теоретические гипотезы, в сходной степени обоснованные эмпирическим образом. Как принять решение о выборе? Наверное, говорят историки науки, у ученого были какие-то ценности. Наверное, он апеллировал к каким-то аргументам, выходящим за пределы самой теории и эксперимента. Ну, естественно, а как иначе можно объяснить? Но этим кто занимается? Этим занимается историк науки. Ученый желает, так сказать, уйти от мысли, что «я принимаю эту теорию, потому что у меня есть некоторые ценности». Нет, ничего подобного. Я считаю, говорит он, что вот эти теоретические аргументы, эти эмпирические аргументы более весомы как таковые. Признаваться в том, что он апеллирует к каким-то ценностям, ученый вообще-то не склонен, как мне представляется. Поэтому философы и историки науки создают в действительности более адекватную и более богатую картину научного познания, потому что они эти дополнительные элементы реконструируют. Действительно, никак иначе нельзя принять решение при прочих равных. Должны быть дополнительные аргументы. Но я повторяю, что здесь надо различать две позиции. С одной стороны, позицию человека, актуально работающего в науке, а с другой стороны, человека, смотрящего на эту ситуацию со стороны, как историк или философ.

С.В. Пирожкова. Илья Теодорович, Вы сказали, что когда ученый выбирает между двумя теориями, он сравнивает, какие аргументы и какие доказательства являются более весомыми. Сам критерий, по которому он производит такое сравнение, к чему относится?

И.Т. Касавин. Дело-то в том, что эти критерии функционируют у ученого неявным образом. И он, как правило, над ними не раздумывает, не рефлексировует. Я как-то давно разговаривал со своим приятелем, аспирантом кафедры физиологии животных и человека. Спрашиваю его, что ты там делаешь? Ну, я крыс режу, отвечает он. Я говорю, и сколько тебе надо крыс разрезать? Он говорит, триста. Я говорю – почему триста? А может, двести пятьдесят хватит? Я тогда о П. Фейерабенде писал, у меня был очень скептический взгляд на науку. Мой приятель говорит: нет, не хватит. Я ему: а может, триста пятьдесят? Нет, отвечает он, это лишнее. Я удивляюсь: кто же это определяет? У нас так принято, говорит, и все! То есть он не думает, не рассматривает это как норму, идеал, ценность какую-то, он просто говорит: «Вот у нас есть научное сообщество, у нас так принято, мы так все работаем». Это практика, если хотите. Там нет явных ценностей. Ему надо задавать вопросы и убеждать его в необходимости задуматься, а он будет сопротивляться.

С.В. Пирожкова. Если ценность не осознается, это еще не значит, что она фиктивна или конструктивна – в смысле последующей исторической реконструкции. Это спорный момент.

И.Т. Касавин. Спорный, конечно.

В.А. Лекторский. Когда ученый принимает определенные когнитивные решения, в частности, выбирает между двумя гипотезами, в одинаковой степени хорошо подтверждаемыми эмпирическими фактами, он апеллирует к некоторым ценностям (пусть он даже не осознает того, что речь идет о ценностях). Но важно то, что это когнитивные ценности, регулирующие ход научного исследования. Поэтому ни в коем случае нельзя считать их вненаучными. Ведь без них наука невозможна.

И.Т. Касавин. А. Эйнштейн говорил: «Бог не играет к кости». Но это он постфактум, как философ, обосновывал свои решения. Он об этом писал, когда уже бросил фактически заниматься физикой.

В.А. Лекторский. Почему? Он физиком до конца дней занимался. И на протяжении всей своей жизни он пытался осмысливать научную деятельность, поднимаясь на уровень философской рефлексии. Такими же философствующими теоретиками были такие классики естествознания XX в., как Н. Бор, В. Гейзенберг и другие. И они это делали не тогда, когда переставали заниматься наукой, а как раз тогда, когда пытались понять смысл своих научных изысканий.

И.Т. Касавин. Все верно, но основные открытия Эйнштейна остались в прошлом.

В.А. Лекторский. А если говорить об ученых-гуманитариях, то у них, конечно, есть когнитивные ценности, используемые в той дисциплине, которой они занимаются. Но у них есть и социальные, и политические ценности, которые они обычно хорошо сознают.

И.Т. Касавин. У В.Р. Мединского есть ценности, да. Но он не историк.

В.А. Лекторский. Я имею в виду всех ученых-гуманитариев, в том числе историков. Историк может, например, описывать Октябрьскую революцию, не разделяя марксистской идеологии. И если он настоящий ученый, он ни в каком случае не будет искажать факты, а попытается их понять и объяснить. М. Вебер предложил идею внеценностной социологии, но у него были собственные социальные и политические ценности, которые он хорошо осознавал. Работы по истории России С.М. Соловьева и В.О. Ключевского – примеры научных исследований, которые до сих пор не утратили значения, хотя социальные и политические ценности того и другого мы можем не разделять.

И.Т. Касавин. Но я только что приводил пример, когда я говорил о русском уме. У них есть ценности, но они не могут этого осознать. Исключения составляют выдающиеся личности, совмещающие науку и философию. Вебер из их числа.

А.В. Родин. А как ценности связаны с истинностью?

В.А. Лекторский. А вот это вопрос другой. И об этом я только что странно говорил.

Н.М. Смирнова. Уточняющий вопрос: Илья Теодорович, правильно ли я Вас поняла, что эмпирия – это некая твердая порода, фундамент, а ценности – при прочих равных условиях надо из чего-то выбирать. Но дело в том, что сама эмпирия – это факты, а факты – это интерпретированные данные. Для того чтобы эти данные как-то интерпретировать, т. е. превратить их в факт, уже нужно привлекать какие-то ценностные соображения, встраивать их в определенную картину мира, научно-социального мира. То есть на этом уровне, уровне эмпирии, ценности присутствуют, с Вашей точки зрения?

И.Т. Касавин. Я пытался уже объяснить, что ученый так не думает. Вот У. Куайн, который пытался ставить себя на позицию ученого, говорил, что научные факты – это «каменное основание науки». А он был совсем не примитивный человек.

Н.М. Смирнова. Но это натуралистическая эпистемология.

И.Т. Касавин. Натуралистическая. Вот это самое близкое учение к самознанию ученого. Ученый знает, что есть теоретические гипотезы, логический аппарат, математический аппарат и экспериментальные ситуации. Больше он ничего знать не желает. Остальное появляется для него, когда он начинает философствовать.

В.А. Лекторский. Но мы же пытаемся понять этого ученого. И он в некоторых случаях пытается понять самого себя.

И.Т. Касавин. Когда мы начинаем его понимать как целостного индивида, тогда мы нагружаем его сознание ценностями и всем прочим.

В.А. Лекторский. Мы «нагружаем» его сознание тем, что в этом сознании действительно есть. Ведь задача нашего Круглого стола не в том, чтобы просто описать, как представляют свою деятельность ученые вообще и ученые-гуманитарии в частности (хотя они по-разному понимают эту деятельность, в некоторых случаях поднимаясь на уровень философской рефлексии), а в том, чтобы понять, чем эта деятельность является на самом деле.

А.В. Родин. Проблема истины в ее самой общей постановке является одной из центральных для такой традиционной философской дисциплины, как логика. По словам Г. Фреге, логика соотносится с истиной примерно так же, как физика – с тяготением или теплотой, и если открывать истины – задача любой науки, то логика занимается познанием законов истинности. Это не значит, что обсуждать проблему истины имеет смысл исключительно в рамках философской логики. Специальные контексты, в которых эта проблема возникает, включая научные, социальные и политические, требуют особого внимания и соответствующих экспертных знаний, которыми логики обычно не обладают. Тем не менее я считаю, что при любом систематическом исследовании проблемы истины независимо от контекста, в котором она ставится, нужно принимать во внимание те общие подходы к этой проблеме, которыми занимаются логики.

Я не хочу сказать, что современная логика может дать нам готовые ответы на любые подобные вопросы, если мы только научимся правильно применять общие логические схемы к конкретным случаям. На самом деле, в логико-философском сообществе, как и в любом другом философском сообществе, не существует консенсуса по фундаментальным вопросам, включая, конечно, вопрос об истине. Существуют различные конкурирующие теории истины и связанные с этими теориями конкурирующие исследовательские программы. Консенсус в философской логике возможен, скорее, по техническим вопросам, связанным с формальными свойствами логических исчислений. Мой тезис состоит в том, что профессиональная философская дискуссия об истине в естественных и гуманитарных науках, а также в публичном дискурсе может и должна использовать современные логические наработки; в противном случае есть риск, что наши исследования ничем не будут отличаться от обычной публицистики.

Использование современной философской логики для анализа конкретных контекстов представляет собой очень трудную задачу. Часть проблемы состоит в том, что многие современные логические исследования опираются на бытовые лингвистические примеры и интуиции и в действительности очень слабо связаны с современной наукой и с современной общественно-политической дискуссией. Такая изоляция современной философской логики имеет

негативные последствия как для самой логики, так и для всех тех областей человеческой деятельности – включая науку, политику и юриспруденцию, где рассуждения и доказательства играют важную роль. Именно поэтому я считаю, что нужно прикладывать больше усилий для того, чтобы искать точки соприкосновения и строить мосты между логикой, философией науки, а также социальной и политической философией.

В частности, мне кажется важной следующая проблема, решение которой требует, на мой взгляд, совместных усилий логиков и философов-эпистемологов других профилей. В мировом научном сообществе существуют формальные и неформальные институты, такие как научные школы и научные журналы, которые в каждой специальной области поддерживают эпистемологические стандарты, позволяющие отличать доказательные аргументы от недоказательных и истину – от ошибки или намеренной лжи. Разумеется, все эти институты могут и действительно дают сбой, поскольку наука в принципе не является непогрешимой. Однако в тех случаях, когда академические институты вынуждены работать в тесной связке с экономическими и политическими институтами – а такая совместная работа институтов оказывается необходимой всегда, когда научные утверждения и выводы затрагивают значительные экономические и политические интересы – вероятность сбоя значительно возрастает, поскольку в таких случаях на мнения экспертов могут влиять внешние политические и экономические факторы. В качестве примера можно указать на исследования климата и опирающиеся на них глобальные политические и экономические решения, такие как Рамочная Конвенция ООН по изменению климата 1992 г. В подобных случаях аргументация в пользу того или иного вывода и, тем более, практического решения, не может оставаться внутренним делом научного сообщества, но должна быть публичной и убедительной как для людей, принимающих ответственные решения, так и для более широкой публики. Поэтому логическая структура аргументации должна быть предъявлена в явном виде вместе с формальными критериями доказательности. Альтернативой, на мой взгляд, может быть только превращение публичной дискуссии в хаотическую борьбу между разными типами риторики, которую мы, к сожалению, и наблюдаем во многих случаях и которая вряд ли способствует рациональному принятию решений.

В.А. Лекторский. Конечно, логика имеет определенное отношение к истине. Какое? Если посылки истинны, то с помощью логического аппарата Вы обязательно придете к истинным заключениям. А вот истинны ли Ваши посылки и откуда Вы их взяли – это логике не интересно. В логике могут использоваться таблицы истинности. Есть современные логические исчисления, которые обходятся без предположения истинностных значений. Важно то, что логика обычно предполагает, что высказывания бывают либо истинными, либо ложными. А вот что такое истина, как она может быть получена, каково отношение между истиной и знанием и т. д. – это не вопросы, которыми занимается логика. Но они всегда были одними из центральных проблем эпистемологии, и до сих пор по этому кругу вопросов в философии идут жаркие дискуссии. Правда, в логической семантике есть концепция А. Тарского: высказывание в метаязыке «Снег бел» истинно, если в объектном языке принимается высказывание о том, что снег бел. О чем в данном случае идет речь?

Только о переводе высказывания с объектного языка на метаязык. А почему в объектном языке принимается высказывание о том, что снег бел – это не дело логики, она этим не занимается. Я хорошо знаю, что в философии XX в., в особенности в аналитической философии, логика играла важную роль. Но в итоге длительного развития аналитической философии стало ясно, что с помощью логики можно более точно формулировать вопросы, можно использовать более строгую аргументацию, но ни одной философской проблемы решить нельзя. Такой классик логики XX в., как Я. Лукасевич, даже написал о том, что логика не имеет никакого отношения к исследованию мышления и познания (некоторые отечественные логики разделяют эту позицию). Я думаю, что Лукасевич неправ, и к изучению мышления (в той мере, в какой в мышлении используются те или иные способы рассуждения) логика имеет отношение. Однако ясно и то, что сама по себе логика не решает философские проблемы, в частности, проблему истины.

Но самое главное заключается в следующем: нам не нужно в данном суждении выяснять вопрос о том, что такое истина вообще и истина в гуманитарных науках в частности. Будем исходить из того, что мы знаем, что такое истина. Нас в действительности волнует вопрос, способны ли гуманитарные науки получать знание? А поскольку знание может быть только истинным (ложь или заблуждение не есть знание), то равнозначной формулировкой вопроса будет тема нашего круглого стола: возможна ли истина в гуманитарных науках? Это значит, что нам не нужно сейчас выяснять, что такое истина и какое отношение к знанию об истине имеет логика. Такая дискуссия уведет нас далеко в сторону от тех острых проблем, которые мы решили обсудить в рамках данной дискуссии.

А.В. Родин. Как я уже сказал, современная логика не предлагает какого-то единого подхода к проблеме истины. Есть разные логические теории истины, за которыми стоят разные философские взгляды на этот предмет. Я хочу сейчас обратить внимание на то, что именно строгие логические исследования, включая их техническую часть, позволяют превратить эти «взгляды», какими бы они не были, в более подробные и более точные теории. Критика таких теорий может быть намного более продуктивной, чем критика «взглядов», которые не имеют никакого точного формального выражения.

В.А. Лекторский. Как я уже сказал, нам сейчас вообще не нужно заниматься вопросом о том, что есть истина. Что касается точного и неточного, я вспоминаю слова нашего известного математика и философа Ю.А. Шрейдера о том, что есть истины точные и истины глубокие, при этом первые не всегда совпадают со вторыми. Когда я читаю многие работы по математической психологии и математической социологии, я часто вспоминаю эти слова.

А.В. Родин. Я согласен с Вами, что есть проблема в том, что современные логические исследования сильно оторваны от научной и социальной практики в широком смысле, включая гуманитарные науки. Но я считаю, что это не повод отказываться от логики в эпистемологии и философии науки, а наоборот, повод для того, чтобы попытаться сократить этот разрыв.

А.Л. Никифоров. В настоящее время, когда в философии науки резко возрос интерес к анализу гуманитарного познания, к выявлению его специфики по сравнению с естествознанием, тема нашего обсуждения представляется

не только очень интересной, но и весьма актуальной. Правда, надо сказать, что открытие философами науки теоретической нагруженности фактов и разнообразные аргументы современных конструктивистов делают разговор об истине даже в естественных науках чрезвычайно сложным. Что же касается гуманитарных наук, то здесь, как ни печально это признавать, применимость классического понятия истины вызывает серьезные сомнения. Изложу ряд причин, почему.

1. Обычно мы говорим о трех основных функциях научных теорий и науки вообще: описание явлений окружающего нас мира, их объяснение и предсказание. Важнейшей функцией естественных наук считается объяснение, в то время как в гуманитарных науках основной, главной, чуть-ли не единственной задачей является описание.

2. Естествознание описывает взаимоотношения и взаимосвязи неинтенциональных объектов, гуманитарные науки описывают поведение и взаимоотношения людей, которые действуют во имя достижения каких-то целей или под влиянием некоторых стремлений и желаний. Магнитная стрелка отклоняется вблизи проводника с током не потому, что ей так «хочется», а в силу законов природы. Человек же что-то делает именно потому, что стремится достигнуть какой-то цели. Поведение человека в отличие от поведения магнитной стрелки интенционально, т. е. представляет собой сплав видимой физической активности с побуждающей и сопровождающей эту активность интенцией.

3. Отсюда вытекает важнейшее отличие описания в естественных и гуманитарных науках. Представитель естественных наук описывает то, что он наблюдает или фиксирует с помощью приборов. Гуманитарий должен сначала понять интенцию человека, действие которого он хочет описать, и связать ее с наблюдаемыми телодвижениями. Вот мы видим: человек окунает в ведро с водой тряпку и возит ею по полу. Если мы просто опишем то, что видим, это в лучшем случае будет лишь естественнонаучным описанием, ничем не отличающимся от описания движения стрелок на часах, падения камня на землю, разложения луча света с помощью призмы и т. п. Чтобы дать описание в языке гуманитарных наук, мы должны связать с этими телодвижениями какую-то интенцию – цель, желание, стремление: «Он моет пол» или «Хочет вымыть пол».

4. В естествознании описание в большинстве случаев достаточно четко отделено от объяснения: сначала ученый что-то описывает, а потом объясняет. Сначала И. Кеплер описывает, как движутся планеты вокруг Солнца, а затем И. Ньютон объясняет, почему траектории планет именно таковы. В гуманитарных науках описание и объяснение часто слиты воедино: описывая действия человека, мы одновременно указываем на то, почему он совершает эти действия: «Хочет вымыть пол», «Строит дом», «Хочет посадить яблоню». Интенция, которую мы соединяем с наблюдаемыми действиями, выступает как своего рода причина этих действий, поэтому, включая в описание интенцию, мы одновременно включаем в него и объяснение. Скажем, мы наблюдаем действия какого-то человека. «Что он делает?» – спрашиваем мы. Нам отвечают: «Он строит дом». В этом описании в скрытом виде присутствует объяснение наблюдаемых действий: человек хочет построить дом; он полагает, что для этого нужно совершить такие-то действия; вот поэтому-то он и совершает эти действия. Или: человек подходит к окну, поворачивает ручку на раме и откры-

вает окно. Что он делает? Нам отвечают: он хочет проветрить комнату. Это не что иное, как практический силлогизм, который выступает в качестве одной из моделей объяснения в гуманитарных науках.

5. Истинность наших утверждений или мнений мы можем обосновывать дедуктивно, показывая, что они логически следуют из признанных истин, или индуктивно – с помощью фактов. Будем называть «фактом» положение дел, наличие или отсутствие которого делает эмпирическое описание истинным или ложным. Например, у меня есть предложение «Магнит притягивает железные опилки». При наличии магнита и железных опилок мы наблюдением устанавливаем, существует ли такое положение дел, т. е. существует ли такой факт. Любой другой наблюдатель также легко установит этот факт, поэтому он является общепризнанным. Этот факт (или совокупность аналогичных фактов) дает эмпирическое обоснование высказанного предложения. Поэтому у нас есть интересубъективные или общезначимые основания считать данное предложение истинным.

6. Но как обстоит дело в гуманитарных науках? Здесь тоже «фактом» можно назвать положение дел, задаваемое описанием. Если мы описываем поведение человека предложением «Он проветривает комнату» и он действительно хочет проветрить комнату, то наше описание можно считать истинным. Но дело в том, что интенции действующего субъекта нам не даны, мы их реконструируем, опираясь на свои субъективные представления о людях, о принятых стереотипах поведения, о целях, стремлениях, желаниях окружающих нас людей. У разных наблюдателей эти представления могут быть различными, поэтому они по-разному могут описывать наблюдаемые действия. Кто-то скажет: «Он проветривает комнату». Сидящая рядом с окном девушка, на которую хлынул поток холодного воздуха, может иначе истолковать те же самые действия: «Он хочет, чтобы я простудилась». Эти описания задают разные положения дел, разные «факты». Какие из этих фактов реально существуют? С какой реальной ситуацией мы имеем дело – с проветриванием комнаты или с покушением на здоровье девушки? Ответить на этот вопрос почти невозможно. Даже если мы спросим самого субъекта, зачем он открыл окно, он вполне может нам солгать.

7. Таким образом, если в описание наблюдаемых действий человека мы включаем его ненаблюдаемую интенцию, а разные наблюдатели способны приписать этим действиям разные интенции, то отсюда следует, что в гуманитарных науках нет общезначимых, общепризнанных фактов. Скажем, два хрониста рассказывают о том, как в 1077 г. император Священной Римской империи Генрих IV три дня босиком стоял перед замком в Каноссе, в котором затворился папа Григорий VII. На четвертый день папа впустил императора в замок и снял с него отлучение от церкви. Какое описание даст этому эпизоду историк, повествующий о борьбе Ватикана с императорами за право инвеституры? Он не может ограничиться описанием того, как император три дня босиком стоял на снегу, – это будет хроника, не история. Историческое описание должно включать в себя интенцию Генриха IV, т. е. отвечать на вопрос о том, зачем он это делал. И разные историки могут приписывать Генриху IV разные интенции: искреннее раскаяние; страх потерять императорскую корону; желание обмануть папу, чтобы потом нанести ему неожиданный удар, и т. п. – Так с каким фактом мы здесь имеем дело?

8. Кажется, высказанные рассуждения подталкивают нас к пессимистическому выводу: если в гуманитарных науках нет общепризнанных фактов, если нет общепризнанных описаний, то в них нет обоснованного истинного знания. Понятие истины в его классическом истолковании кажется здесь неприменимым. «Генрих IV искренне раскаялся», «Генрих IV лицемерил» – какое из этих описаний истинно? Ответ на этот вопрос кажется чрезвычайно трудным.

К счастью, наш вывод был бы слишком поспешным. Даже в тех случаях, когда мы описываем поведение отдельного человека, можно отбросить ложные описания, содержащие неверные интенции. Скажем, в данном случае историк может учесть то обстоятельство, что и после Каноссы Генрих IV продолжал свою борьбу с папой Григорием. Следовательно, описание, приписывающее ему искреннее раскаяние, следует отбросить как неверное.

Ну, а когда историк описывает события, в которые включены массы людей, описывает взаимоотношения между народами и странами, войны, развитие науки, промышленности, торговли, то здесь у него появляется гораздо больше материала и оснований для построения описаний, являющихся в определенной мере истинными. Высказанные выше соображения указывают на трудности установления истины в гуманитарных науках, но эти трудности можно преодолеть.

В.А. Лекторский. Александр Леонидович, Вы подняли интересные и важные проблемы. Но приводимые Вами примеры все же, на мой взгляд, довольно искусственны. В действительности понять интенцию другого человека во многих случаях не очень уж сложно. И мы обычно легко это делаем. Иначе жизнь была бы невозможной. Ведь любое общение с другим человеком осуществимо только в том случае, если мы понимаем его намерения и мотивы. И мы обычно понимаем их, особенно, если хорошо знаем человека. А что значит «знать другого человека»? Это не просто наблюдать те или иные его действия в данный момент, а также связывать их с тем, как он вел себя раньше. Если мы знаем женщину, которая водит шваброй по полу, то мы безошибочно скажем, что она в действительности делает: либо моет пол, либо изображает некую деятельность для того, чтобы произвести впечатление на хозяйку, либо же делает пол скользким для того, чтобы упал кто-то из неприятных для нее людей. Если мы наблюдаем совершенно незнакомого человека, то понять его интенции, конечно, сложнее, хотя и в этом случае проблема обычно не оказывается неразрешимой: понять этого человека помогает общий контекст, в котором оказались мы и этот незнакомец. Но в жизни для нас обычно важны не совершенно посторонние нам люди, а те, с которыми мы вступаем в контакт. А такой контакт как раз и позволяет узнать этих людей, а значит, более или менее хорошо «читать» их интенции. Конечно, бывают случаи, когда мы имеем дело не просто с посторонним человеком, а с противником (конкурентная борьба, спортивные состязания, военные действия). В таких ситуациях другой человек будет сознательно скрывать от нас свои намерения. Но даже и в этих условиях чужие намерения можно разгадать, чем с большим или меньшим успехом занимаются те, кто в подобное противодействие вступает. Главное в том, что эти специальные ситуации не могут быть ключом к решению общей проблемы межчеловеческого понимания. Ваши примеры напоминают известные «методические сомнения» Декарта: на основании того, что возможны ошибки восприятия, что

человек может видеть сны, во время которых ему кажется, что он имеет дело с реальными событиями, делается общий вывод, что можно сомневаться во всем, в том числе в существовании внешнего мира и собственного тела.

Что касается рассуждений историка, тут я тоже не вижу неразрешимых проблем. Конечно, есть в истории события, когда очень сложно понять мотивы той или иной исторической личности. Для меня, например, до сих пор непонятно поведение Сталина непосредственно перед началом и в первые дни Великой Отечественной войны. Есть такие события, причины которых мы, возможно, никогда не узнаем: например, кто убил Дж. Кеннеди. Но во многих случаях проблемы истолкования намерений некоего исторического персонажа, а значит, знания причин его действий не существует. Например, почему Цезарь в таком-то году и в такой-то день решил «перейти Рубикон» (это решение, как известно определило судьбу Рима)? Любой историк легко ответит на этот вопрос. Зная Цезаря, его мнение о ситуации в Риме и его мнение о себе самом, можно без труда понять его намерения. Исторiku тем легче понять интенции той или иной исторической личности, что он может встроить тот или иной эпизод в контекст того, как данный персонаж вел себя до и после определенного события (в отношении тех людей, с которыми мы общаемся в настоящее время, мы не можем знать о их будущем поведении: история – это то, что уже произошло, что на самом деле было, а будущего еще нет, оно открыто для разных возможностей).

И.Т. Касавин. Александр Леонидович, у меня вопрос по поводу астрономии: отличается ли здесь описание от объяснения? Посмотрим на аналогичную ситуацию Коперника. У него была задача описать движение небесных сфер. Что он для этого использовал? Математические конструкции. Это не объяснение ли одновременно? Потому что математические конструкции были основаны на онтологическом представлении об идеальных математических объектах, кругах, которые надо использовать для описания. Здесь описание и объяснение сливаются в одно.

В.А. Лекторский. Я хочу обратить внимание еще на два момента, связанные с возможностью «чтения» чужих намерений и субъективных состояний. Современные психологические исследования новорожденных выявили неоспоримый и удивительный факт: оказывается, только что родившийся младенец, который еще не умеет даже ползать, тем более говорить, безошибочно угадывает настроение матери по ее мимике. Данный факт – важнейший аргумент в контексте решения старой философской проблемы о возможности знания состояний чужого сознания. Второй момент связан с тем, что я могу не только более или менее верно знать о состояниях сознания другого человека (его намерениях, эмоциях), но в некоторых случаях знать о них лучше этого человека. Между прочим, на этом основана практика психотерапии.

В.П. Филатов. Один из вопросов, вынесенных на обсуждение, касался возможности экспериментов в гуманитарных исследованиях. В своем выступлении я хочу несколько сдвинуть эту проблему в сторону социальных наук и поговорить в основном об экономике и отчасти о социологии.

Экономику можно рассматривать как самую развитую и строгую социальную науку, о чем говорит хотя бы тот факт, что с 1969 г. представители данной дисциплины получают Нобелевские премии. Это предполагает, что в

экономической науке можно достаточно четко зафиксировать открытие или достижение, которое будет признаваться научным сообществом как истинное или достоверное. Применительно к нашей теме стоит отметить, что в 2002 г. американский экономист В. Смит получил Нобелевскую премию «за лабораторные эксперименты как средство в эмпирическом экономическом анализе, в особенности в анализе альтернативных рыночных механизмов».

Но все же можно спросить, почему в этой науке, начало которой обычно отсчитывают с 1776 г., когда вышло «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита, столь долго не было лабораторий? Ведь, например, психология как научная дисциплина на сто лет моложе экономики, но она сразу конституировалась как экспериментальная наука, когда В. Вундт создал в 1879 г. в Лейпциге первую психологическую лабораторию.

Конечно, вопрос этот в известной степени риторический. Есть очевидные трудности и запреты экспериментирования, особенно на макроуровне, когда вопросы касаются общества в целом или больших групп людей. Экономисты здесь очень редко могут планировать и осуществлять эксперименты для того, чтобы получить важные данные. В этом плане ситуация сходна с некоторыми естественными науками. Например, астрономы тоже не могут экспериментировать с далекими и огромными небесными телами, однако у них более строгие и точные методы наблюдения и измерения. О. Конт в свое время сравнивал социологию с метеорологией. Некоторые современные экономисты сравнивают экономику с физикой атмосферы, которая разрабатывает разные модели загрязнения и глобального потепления. Здесь тоже конкурирующие модели дают различные результаты, как в экономике.

Вместе с тем иногда бывают ситуации квазиэкспериментальные. Их можно назвать также «естественными экспериментами» – так в отечественной психологии в начале XX в. А.Ф. Лазурский называл исследование поведения в условиях обычной жизнедеятельности людей, когда в чем-то эти условия сходны с искусственными. Например, при сравнении различных экономических систем часто ссылаются на подобные макроуровневые естественные эксперименты. Положим, какая-то страна, скажем, Корея, в свое время была разделена на две практически равные по большинству параметров (населению, площади, уровню развития и т. п.) части. И через два-три десятилетия функционирования различных экономических систем – административно-плановой и рыночной – уровень экономического развития и благосостояния этих частей стал резко асимметричным. Сходная, хотя и более сложная картина – долговременные экономические последствия колонизации Южной и Северной Америки испанцами и англосаксами соответственно. Можно отметить и менее масштабные квазиэксперименты, в частности, изменение поведения людей в ситуации, когда вводится существенное различие в ценах на электричество в дневное и ночное время. Считается, что подобные эксперименты и фиксация их результатов должны проводиться в течение длительных периодов времени, чтобы экономические агенты могли приспособить свое поведение к структуре стимулов, создаваемой экспериментом.

В.А. Лекторский. А разве реформы Е.Т. Гайдара не были своего рода экспериментом (пусть квазиэкспериментом) над людьми? При том экспериментом крайне жестоким.

В.П. Филатов. Если говорить о экспериментальной экономике в более строгом и узком смысле, то она относится к микроэкономике, к изучению экономического поведения индивидов в искусственных, лабораторных ситуациях. Пионеры этого дела – В. Смит, Д. Каннеман (нобелевский лауреат 2002 г.), А. Тверски – получили весьма интересные и воспроизводимые результаты, которые существенно отличаются от принятой в неоклассической экономической теории модели “*homo economicus*” как рационального субъекта, в ситуации выбора всегда максимизирующего полезность. В последние десятилетия эта экспериментальная или поведенческая экономика развивается достаточно успешно. Но в ней возникают те же, проблемы, что у экспериментальных психологов – валидности эксперимента, влияния экспериментатора, методик выбора испытуемых и т. п.

Хотя у экономистов, в отличие от физиков или химиков, еще практически нет лабораторий, это не означает, что экономическая наука долгое время существовала без эмпирии. Ведь она, как и позднее социология, рождалась и развивалась в контексте методологии эмпиризма/позитивизма и противостояния метафизике. Поэтому при недостатке экспериментов в экономике довольно многое можно отнести к эмпирическому уровню знания: экономическая статистика, эконометрика, экономическая история являются весьма развитыми областями экономической науки. Они предоставляют много различных эмпирических данных, и экономисты, казалось бы, могут успешно проверять свои теории – верифицировать/фальсифицировать, осуществлять выбор теорий, как это делают, например, физики. Но и здесь все же есть существенные отличия от естественных наук, остановлюсь лишь на некоторых из них.

Начну с любопытной ситуации в экономической статистике, не свойственной естественным наукам. Физики или биологи сами собирают данные наблюдений и измерений, экономисты и социологи вынуждены во многом полагаться на данные официальной статистики, собираемые государственными органами. У этих органов зачастую свои интересы и свои методики, которые могут мало соответствовать интересам и запросам ученых-экономистов. В западной экономической науке в связи с этим говорят о «грязных данных». Наши экономисты и социологи тоже высказывают большие претензии к современной отечественной статистике, например, к данным по безработице, инфляции, теневой экономике и т. п. Конечно, ученые разрабатывают довольно изощренные методы обработки таких данных, но это полностью не спасает ситуацию. Еще раз повторю, исследователи в области естественных наук не обязаны доверять цифрам, полученным другими людьми, а в социальных науках это нередко приходится делать. Можно представить себе, что было бы, если бы физики были вынуждены использовать данные о движении небесных тел, которые собирали бы только государственные органы. Возможно, тогда до сих пор считалось бы, что Солнце и планеты вращаются вокруг неподвижной Земли.

В целом же можно, на мой взгляд, сказать, что социальные науки за пару веков своего существования как научных дисциплин выработали достаточно обширную эмпирию, которая, однако, заметно отличается от экспериментальной основы развитых естественных наук. В чем-то их эмпирия сходна с эмпирией «классифицирующих наук» типа географии или ботаники, но в последних «коллекторские программы», как их называл М.А. Розов, организуют эмпирию более систематизированным и надежным образом.

Поэтому, на мой взгляд, весьма трудно говорить об истине применительно к экономическим теориям. Максимум можно говорить о достоверности или «надежности» экономического знания. В науке такое знание возникает благодаря критическому отбору с использованием эмпирических критериев. В социальных науках эта менее строгая эмпирия позволяет десятилетиями сосуществовать альтернативным теориям, чего нет в развитых естественных науках. Экономисты также нередко ссылаются на тезис Дюгема–Куайна, говорящий о том, что мы всегда проверяем не отдельную гипотезу, а целую совокупность гипотез. Тем более, что выводы из этих гипотез в экономической науке обычно делаются с оговоркой «при прочих равных условиях». Некоторые экономисты и методологи экономики, в основном последователи П. Фейерабенда, обозначенный недостаток представляют как добродетель: чем больше теоретического и методологического плюрализма, тем лучше. Например, это проявляется в подходе к экономическим теориям как формам риторики, мало связанным с реальным миром. Можно считать такой постмодернистский образ науки достаточно привлекательным, но нужно иметь в виду, что экономика не является чистой наукой, ее теории нередко используются в экономической политике, что сказывается на благосостоянии миллионов людей.

А.В. Родин. Нет, ну опять-таки, не может быть ситуации, когда у нас просто два разных описания, которые, в каком-то смысле, совместимы. Поэтому без логики не обойдешься, нужно разбираться, где есть противоречия, а где их нет.

В.П. Филатов. Я считаю, что недоопределенность теории фактами в экономических теориях проявляется сильнее, чем в теориях точного естествознания. Если добавить к этому ненадежность фактов, о чем я говорил, и признать действенность тезиса Дюгема–Куайна, то возможность альтернативных описаний, альтернативных теорий становится более объяснимой.

В.А. Лекторский. В психологии такая же ситуация. С давних пор там много разных теорий, исключаящих одна другую. При этом они как-то сосуществуют. Наверное, потому, что разные теории схватывают разные аспекты такой сложной реальности, как человек.

В.П. Филатов. Вполне возможно. Но в психологии это теории вербальные, качественные. В современной экономике есть теории достаточно точные, математизированные и даже математические. В отношении таких теорий вроде бы должны лучше применяться критерии выбора и отсева фальсифицированных теорий.

В.А. Лекторский. В психологии тоже есть математические теории.

В.П. Филатов. Но, возможно, они достаточно абстрактного уровня.

В.А. Лекторский. На мой взгляд, многие математические теории в психологии и социологии являются бесплодными. Но вернемся к нашему основному вопросу: все же есть истина в социальных науках или нет?

В.П. Филатов. Что касается истины, то теоретики-экономисты редко говорят о ней, чаще об эмпирической обоснованности, объективности, о возможности предсказания.

В.А. Лекторский. Но это и есть знание, а значит, истина. Мы только не должны забывать, что истины говорят о том или ином реальном положении дел лишь в применении к определенным условиям (это и есть релятивность истины) и что истины бывают глобальными или же очень частными.

В.П. Филатов. В экономике также принято деление на так называемую позитивную теорию, которая описывает то, что есть, и нормативную теорию, которая говорит о том, что должно быть, дает советы для экономической политики. Об истине может идти речь лишь в отношении позитивной теории. М. Фридмен, например, считал, что здесь может достигаться такая же объективность, как в теориях физики. В отношении же рецептов для политики у экономистов могут быть большие разногласия. Об истине здесь трудно говорить, одни считают, что должно быть одно, другие – другое, тут вмешиваются идеологические и ценностные предпочтения.

В.А. Лекторский. В этом плане враждуют друг с другом и наши экономисты. Разные школы российской экономики не принимают друг друга на дух. При этом нужно иметь в виду, что к рецепту, проекту, как я уже говорил, неприменимо понятие истины. Проект может быть хорошим, но это не есть знание, а программа действий (хотя любая программа не может не использовать определенные знания).

В.П. Филатов. На мой взгляд, это связано с тем, что в нашей экономической среде смазана эта граница между позитивной теорией и экономическим консультированием. Все склонны заниматься чем-то вроде экономической политики. Казалось бы, большие экономические факультеты ведущих университетов должны выпускать немало хороших теоретиков, однако на самом деле их немного.

Н.М. Смирнова. А вообще бывают ситуации, когда сталкиваются на одном и том же материале альтернативные методологии, разные теоретические школы? Это интересно для философа. Одна школа дает один результат, другая – иной. Кто-то анализировал такие ситуации?

В.П. Филатов. Поскольку в экономической науке немало школ, то и такие столкновения были. Например, в конце XIX в. был знаменитый «спор о методе» между главами двух экономических школ – К. Менгером и Г. Шмоллером. В начале 1930-х гг. в Кембридже шла серьезная и длительная дискуссия между Дж. Кейнсом и его последователями и Ф. Хайеком о причинах Великой депрессии и путях выхода из нее. Они придерживались разных теорий. Насколько я знаю, считается, что Хайек лучше объяснил, почему этот кризис возник, и даже предсказал этот крах в одной из работ 1920-х гг., а Кейнс предложил более гибкие и действенные методы выхода из кризиса.

В.А. Лекторский. Почему же произошел этот кризис?

В.П. Филатов. Хайек объяснял его тем, что сегодня называют «мыльными пузырями». В 1920-е гг. в США была политика дешевого кредита, чрезмерные инвестиции в ценные бумаги и недвижимость. В итоге все это лопнуло.

В.А. Лекторский. Среди Нобелевских лауреатов есть А. Сен, у нас переведены две его книги. Знаете, чем он интересен? Он экономист-философ, таких теперь очень мало. В его работах анализ экономического поведения связывается с этикой, с психологией, с философией.

С.В. Пирожкова. Возвращение к истокам получается, к А. Смиту, который был и экономистом, и философом морали?

В.А. Лекторский. Да, но таких людей сейчас очень мало. Больше в чести математические модели. Вот я хорошо знаю академика В.Л. Макарова, который работает в Центральном экономико-математическом институте РАН. Он разрабатывает с коллегами такие модели, они компьютерные эксперименты устраивают, на экране видно, как они функционируют.

В.П. Филатов. В экономике есть еще мысленные эксперименты, я не стал об этом говорить, это отдельная и непростая тема.

В.А. Лекторский. С кризисами связана такая вещь, как деривативы. Я могу вспомнить кризис 2008 г. В Москву, на секцию философии, социологии, психологии и права Российской академии наук, пригласили экономиста из Великобритании, из известной Лондонской школы экономики. Он делал доклад, очень интересный, об этом кризисе, как возникают и лопаются все эти деривативы и мыльные пузыри. А закончил тем, что, оказывается, К. Маркс был прав в своем объяснении природы кризисов. Тогда был определенный всплеск интереса к теории Маркса.

В.П. Филатов. Я не думаю, что это было чем-то серьезным. Дело в том, что в экономической науке после Маркса было две серьезных революции в смысле Т. Куна: маржиналистская и кейнсианская. Первая привела к отказу от трудовой теории стоимости, на которой был основан «Капитал», вторая стимулировала разработку современных макроэкономических теорий. Марксистская теория в свете этого оценивается как некое уже далекое прошлое, по крайней мере, в академической среде.

С.В. Пирожкова. Хотя есть неомарксизм...

В.П. Филатов. ...да, есть неомарксизм и даже постмарксизм, но это в социальной философии.

В.А. Лекторский. А ведь есть еще «аналитический марксизм». Это, например, философ Я. Элстер, интересный автор. Он занимается методами социальных наук, критическим анализом теории рационального выбора и другими сюжетами.

В.П. Филатов. Конечно, если пристальнее посмотреть, то можно найти следы марксизма и в экономике. Например, был П. Сраффа, кстати, близкий друг Л. Витгенштейна. Он разработал неорикарданско-марксистский вариант экономической теории. Но это все довольно маргинальные вещи на фоне доминирующих направлений в экономической теории.

**“Is the truth possible in humanities?”
Papers of the “round table”
Part 1**

Ilya Kasavin

DSc in Philosophy, correspondent member of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; Head of Department of Philosophy. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. 23 Gagarina Str., Nizhni Novgorod, 603022, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

Vladislav Lektorsky

DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Alexandr Nikiforov

DSc in Philosophy, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

Sophia Pirozhkova

CSc in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: pirozhkovasophia@mail.ru

Andrei Rodin

CSc in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: andrei@philomatica.org

Natalia Smirnova

DSc in Philosophy, Main Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

Vladimir Filatov

DSc in Philosophy, Professor. Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: toptiptop@list.ru

The publication provides the full papers of the “round table” discussion that was organized by the journal “Philosophy of science and technology” in March 2017 at the RAS Institute of Philosophy. The participants are some of the leading Russian researchers in the field of epistemology and philosophy of science: V.A. Lektorsky, I.T. Kassavin, A.L. Nikiforov, N.S. Avtonomova, N.M. Smirnova, V.P. Filatov, G.D. Levin, E.L. Chertkova, A.V. Rodin, S.V. Pirozhkova, E.O. Trufanova. The following questions are discussed: is there a principle difference between natural scientific knowledge and knowledge in humanities, is there a difference between humanities and social sciences and between humanities and human sciences? Do the humanities gain knowledge about the reality or they just construct it? Do experiments in humanities and humanitarian technologies exist? What is the correspondence between knowledge in humanities and social-cultural mythologies and can we separate them from one another? In the first part of the discussion the participants consider the questions of the knowledge structure in humanities and social sciences, in particular of the existence within this knowledge of such elements as cultural, social and political values on one hand and methodological norms and ideals on the other hand, as well as elements of utopia, myth, ideology; of the contents of methodological regulations of humanitarian knowledge and the specifics of the latter in comparison with natural scientific knowledge; of the specifics and limitations of experiments in social science basing on the example of economics; of the research of the problem of truth with the methods of philosophical logic and the possibility of the usage of this research in the framework of systematical research of the questions at hand. Without rejecting the possibility of acquiring the truth, that is, of acquiring knowledge not only in social sciences but also in humanities, the participants point out those at first glance ambiguous or even opposing to the ideal of scientific character traits that are characteristic for humanities, the thorough research of which can help to shorten the gap between humanitarian and natural types of knowledge.

Keywords: truth, humanities, objectivity, knowledge, reality, realism, constructivism

Окончание см. в следующем номере журнала «Философия науки и техники»